

Литературные произведения большого мастера помимо их художественных достоинств интересны, как правило, еще и тем, что открывают нам родной край писателя. Есенин и Рязанщина, Шолохов и Дон... Наверно, я не погрешу против истины, если скажу, что открытием Вологодчины многие из нас обязаны Василию Белову, известному советскому писателю, чье творчество неразрывно связано с вологодской землей, ее людьми. Многие, узнав, полюбили героев повестей «Привычное дело» и «Плотничник рассказы». Со своими печалью и радостями они вошли в душу читателей, по-новому осветив и землю, на которой живут. Не случайно книги писателя заслужили большое признание, стали широко известны и в нашей стране, и за рубежом, а автор был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии СССР.

Рассказы Белова... Они рождают особое чувство, вызывая желание увидеть прекрасную землю «над светлой водой».

Готовясь по просьбе читателей «Туриста» к разговору с писателем, я, конечно, хотел узнать о его отношении к путешествиям, спросить о писательских путях-дорогах — и ломал голову, как подступиться к нему с таким вопросом. Но оказалось, придумывать ничего не надо было. Мы встретились в помещении Вологодского отделения Союза писателей, и Василий Иванович предложил спуститься во двор и побеседовать, чтобы никому не мешать, в его машине. Спустились. Во дворе я увидел уазик с брезентовым верхом, и уже сам этот своеобразный «кабинет» на колесах, запудренный пылью вологодских проселков, был красноречивым ответом на еще не заданный вопрос.

— Конечно, ездить приходится много, — словно угадав мои мысли, улыбуясь Василий Иванович, когда мы уселись в кабину. — Не только на «козлик», на всех видах транспорта. Забрасывало и на Дальний Восток, к морьям-тихоокеанцам; бывал за границей. Но так уж сложилось, что главные мои дороги здесь, на родине. Здесь я вырос, здесь встретил людей, о которых захотелось рассказать. Здесь многие из них живут и сегодня, и каждая новая встреча с давними знакомыми для меня — радость...

— Благодаря вашим книгам читатели узнали замечательных людей Вологодчины. Нельзя ли спросить, кто послужил прототипом Олеши Смолина, старого плотника, с которым другой герой «Плотничник рассказы» Костя Зорин переключивал банку?

— Должен сказать, что Олеша — собирательный образ. Многие почему-то забывают, что имеют дело с художественным произведением и, например, Константина Зорина отождествляют с самим автором. В жизни происходило все иначе. Так, старую банку у себя в усадьбе перебирал я один без помощников. Что касается Олеши, то в нем соединились черты нескольких дорогих мне стариков, с которыми в разное время вели мы душевные беседы. Не все они были даже моими односельчанами, некоторые жили в соседних деревнях. Плотничка, я вспоминал те премудрости, которыми делились когда-то со мной старые плотники, работавшие еще в артелях; вспоминал и их самих, отсюда и возник сюжет повести.

— Олеша — наследник мастеров, срубивших когда-то величественные храмы в Кижях, другие постройки, ставшие памятниками деревенского зодчества северной Руси и привлекающие ныне тысячи туристов. А приходилось ли вам встречать приемников

мастерства Олеши?

— Быть может, где-то они и есть, но я, к сожалению, не слышал о таких. Плотничье искусство — а это было настоящее искусство — теперь захирело, и чем дальше, тем труднее будет восстановить его. Впрочем, и теперь уже вряд ли возможно поправить дело — старых мастеров нет в живых... Да и мало осталось молодежи по деревням. Давно уже не слышно, чтобы в той или другой деревне парень перед женитьбой срубил себе дом.

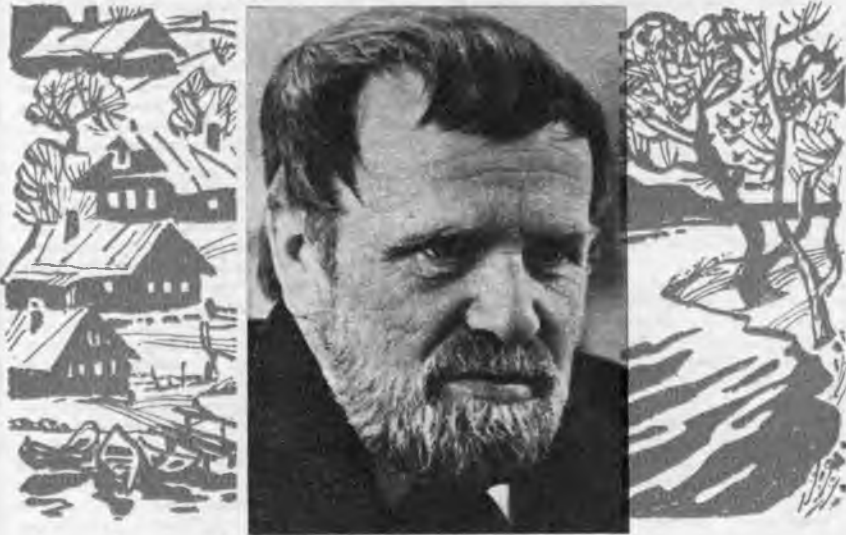
— Пустые деревни, а то и вовсе —

печи пышет добрым теплом. Представишь, что так было и век, и два тому назад, и столько дум приходит в голову, столько родных лиц вспомнишь в этих сумерках! И все они — рядом. Ведь жили в этом же доме, сложили эту печь... Не случайно вдали от родины, когда заскучаю, вспоминаю прежде всего свой старый дом.

— А какие еще образы родины вспоминаются тогда?

— Давно подмечено, что самые сильные впечатления остаются у нас от детских лет. Есть такие «цветные» картины в памяти и у меня. Одна из

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

БОЛЬШАЯ ТРЕВОГА

бурьян на месте деревни, как в вашем рассказе «За тремя волоками», увя, и сегодня не редкость в глухих уголках Нечерноземья. Что же надо сделать, чтобы молодежь охотно оставалась в деревне?

— Прежде всего, мне кажется, надо развенчать тот ложный идеал городской жизни, который создают многие фильмы и телепередачи. До того «розово» порой покажут город, что и не знаешь, где такой нашли. В то же время поэзию деревенской жизни почти не увидишь на экране. Мало еще талантливых телепередач и материалов в журналах, агитирующих «за деревню». Хотя говорят и пишут в последнее время вроде бы много...

— Решили бы проблемы строительство на селе усадебных домов-коттеджей по современным проектам? Такой опыт уже есть.

— Наверно, это эффективно. Хотя мне, честно говоря, не понятно разочарование в русской избе. Ведь устройство большого крестьянского дома, какие ставили, например, на Севере, отработывалось веками! И все здесь продумано и подогнано, вплоть до наличников, которые служили не только украшением. Признаться, мне нравится жизнь в своем старом деревенском доме. Нравится сам процесс жизни. Многие перестали замечать прелесть в исполнении исконно крестьянских обязанностей по дому, по хозяйству. Мне представляется наслаждением топить печь, мастерить что-то из дерева или вот перебрать банку. Сходить по воду на колодезь или расчистить от снега дорожки у дома, по-моему, для здорового человека удовольствие, а не тяжкий труд. В деревне хороша любая погода, даже осеннее ненастье. Не говоря уже о весне, когда будто заново рождаешься вместе с солнышком... А зимние вечера в прогретом деревенском доме! На улице мороз, а от

них — весенний разлив нашей Сохты. Хоть и невелика речка, а в половодье разливалась широко, и, помню, дух захватывало от этого простора. До сих пор в памяти живет какое-то языческое ощущение весенней стихии, ее необъятности. Причем кажется, что помнишь даже запахи и звуки: свежесть пушистых комочков вербы на затопленных кустах, голоса жаворонков над берегом... Еще вспоминается летняя рыбалка с отцом и дедом, когда было мне года 3—4, — самая первая рыбалка, на которую меня взяли. Или вот встреча с медведем на пасеке в лесу. Был я тогда уже побольше, 10 лет исполнилось. Но все равно, как понимаешь, увидеть огромного зверя метрах в 15 от себя — событие незабываемое. Хотя встречи с медведем в наших лесах в те времена редкостью не назовешь. Это теперь медведей приходится брать под охрану.

— В одной из статей недавно выступили за хорошие дороги на Вологодчине. А не было ли тайного опасения, что дороги погубят заповедную Русь? Как относитесь к туризму, к туристам?

— Было опасение. Но дороги — требование времени. Без них не обойтись. Надо подойти к этому пожитейски. А Русь, что ж?.. От лихих людей, как я убедился, и бездорожье не спасает. Отсюда и к туристам отношение разное. К тем, кто приехал по влечению сердца, — доброе. Они не срубят деревца для костра, не бросят бутылку или банку на землю. Их и призывать к этому не надо. Правда, не знаю — можно ли других называть «туристами». Скорее это какие-то «дикие» грибки или охотники. Ночуя в пустующих домах, они то сеновню подпалят, то банку, то на воротах оставят автографы. Что же можно испытывать к подобным людям? Вообще говоря, я

не против того, чтобы, путешествуя, люди могли переночевать в пустующих брошенных домах, их немало по деревням стоит, но ведь надо помнить, что дом этот для кого-то — родной...

— Судя по вашим рассказам, вам много приходилось шагать по сельским дорогам в силу необходимости. А не возникало желания отправиться по вологодским проселкам просто так, без конкретной цели?

— Однажды действительно почувствовал тягу в дорогу. К сожалению, поводом послужило событие печальное. В 1968 году умер Александр Яковлевич Яшин, прекрасный наш поэт, которому все мы — молодые тогда вологодские литераторы — были многим обязаны. У меня и поныне сохраняется благоговейное чувство к этому человеку большой души. А в те дни просто не находил себе места и почему-то решил попасть в родные места как бы с другой стороны... Добрался на теплоходе из Вологды до Кириллова, потом пошел пешком в Ферапонтово. Оттуда «на переключных» подался на север на реку Модлону и озеро Воже, есть там на берегу древнейшая деревня Чаронда. Вначале спешил, почти бежал по дороге... Не было в голове никакого заранее обдуманного маршрута, просто шагал, куда ноги несли. Дело было летом, ночевать можно было хоть в лесу или стучать в любую избу. Не знаю, что больше помогло: усталость от дороги или встречи с людьми, или просто тишина в лесу, но стало вроде бы легче. Из Чаронды пошел в свою деревню уже по-медленнее... Возможно, в будущем я еще вернусь к впечатлениям того путешествия. Будут ли это путевые очерки, как «Владимирские проселки» В. Солоухина, или отдельные рассказы, сказать пока трудно.

— Что посоветуете посмотреть на Вологодчине туристам, кроме таких известных достопримечательностей, как Кирилло-Белозерский монастырь, Ферапонтово, Устюг Великий?

— В свое время меня заинтересовали росписи Архангельского собора в селе Архангельском Сокольского района в 12 километрах от райцентра. Расписал собор художник Тюрин. Возможно, с фресками Дионисия в Ферапонтове они не могут соперничать, но тем не менее заслуживают того, чтобы их сохранить. Обойдены вниманием искусствоведов росписи в Архангельском, видимо, потому, что недостаточно древни, — выполнены в XIX веке. Боюсь только, что, когда их сочтут достаточно древними, будет слишком поздно. Уже сейчас состояние фресок плачевно, и требуется реставрация. Почему-то считается, что в XIX веке фресковая живопись была в упадке. Все зависит от художника.

Кроме того, прекрасна наша Сухона. Здесь столько «незабываемых видов», как выразился наш земляк Николай Рубцов в одном стихотворении. Особенно живописны высокие берега от Тотмы до Нюксеницы. Недаром берега эти так любил избирать художник вологжанин Вахрушов. Сухона пересекает всю Вологодчину, и без реки я не представляю себе родины. Но большая любовь — большая тревога...

Бережное отношение к природе — не благое пожелание, а насущное требование времени. И сегодня, и в будущем.

Беседа вел А. БЫКОВ